

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Франсуаза Саган. Слезинки в красном вине

Франсуаза Саган. Немного солнца в холодной воде

Франсуаза Саган. Шелковые глаза

Франсуаза Саган. Любите ли вы Брамса?

Франсуаза Саган. Смутная улыбка

Франсуаза Саган. Волшебные облака

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

Рэй Брэдбери. Летнее утро, летняя ночь

Рэй Брэдбери. Лекарство от меланхолии

Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков

Рэй Брэдбери. Лето, прощай

Гастон Леру. Призрак Оперы

Агата Кристи. Десять негритят

Гийом Мюссо. После...

Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи

Симона де Бовуар. Недоразумение в Москве

ФРАНСУАЗА
САГАН

Дошшедные облака

Москва
2017

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Fransçoise Sagan
LES MERVEILLEUX NUAGES

Copyright © Editions Julliard, Paris, 1961

Перевод с французского *Н. Комина*
Разработка и оформление серии *Е. Анисиной*

Саган, Франсуаза.

С13 Волшебные облака : [роман] / Франсуаза Саган ; [пер. с фр. Н. Н. Комина]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 224 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-699-94616-7

«Я обожаю смотреть, как плывут облака», — сказала Франсуаза Саган в одном из интервью.

«Волшебные облака» — книга о том, что бывает с любовью после того, как прозвучал свадебный марш и свадебные наряды заняли место в шкафу.

Как сохранить любовь? Как не поступиться своей независимостью, правом созерцать облака? Как не стать очередной скучной парочкой, живущей вместе исключительно по инерции, забывшей, что такое страсть?

Сама Франсуаза считала, что это невозможно. А ее герои? Ведь нередко герои живут собственной жизнью, неподвластной даже воле автора.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Колин Н.,
перевод на русский язык, 2015
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94616-7

Моему другу Филиппу

ИНОЗЕМЕЦ

— Скажи мне, таинственный незнакомец, кого ты любишь больше? Отца, мать, сестру, брата?

— У меня нет ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.

— Друзей?

— Вы произнесли слово, смысл которого до сих пор от меня ускользал.

— Родину?

— Я не знаю, на какой широте она находится.

— Красоту?

— Если бы она была бессмертной богиней, я был бы не прочь ее полюбить.

— Золото?

— Я ненавижу его, как вы ненавидите Бога.

— Тогда что же ты любишь, странный иноземец?

— Облака... Плывущие облака... там, высоко... Волшебные облака!

*Шарль Бодлер
(Поэмы в прозе)*

ФЛОРИДА

1

На фоне слепяще-синего неба Ки Ларго чернел иссохший остов какого-то ветвистого тропического дерева, напоминающий жуткого паука. Жозе вздохнула, закрыла глаза. Настоящие деревья вроде того одинокого тополя на краю луга, у самого дома, были от нее далеко. Она ложилась под ним, упиралась ногами в ствол, смотрела на сотни трепещущих на ветру листочков, наклонявших общими усилиями самую верхушку дерева, которая, казалось, вот-вот оторвется, вот-вот улетит. Сколько ей тогда было? Четырнадцать? Пятнадцать? Иногда она ладонями сжимала голову, припадала к тополию, прикасалась губами к бугристой коре и шептала клятвы, вдыхая неповторимый букет из травы, юности, страха перед

будущим и уверенности в нем. В то время она не могла вообразить, что когда-нибудь покинет этот тополь и, вернувшись десятилетие спустя, обнаружит, что он срублен под самый корень, что от него остался лишь сухой пенёк с пожелтевшими зарубками от топора.

— О чем ты думаешь?

— О дереве.

— Каком дереве?

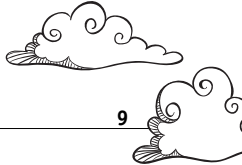
— Ты не знаешь, — сказала она и рассмеелась.

— Само собой.

Не открывая глаз, она почувствовала, что внутри нее что-то сжалось. Это случилось всякий раз, когда Алан начинал говорить таким тоном.

— Когда мне было девять лет, я любила один тополь.

Она задумалась, почему ей пришло в голову представить себя моложе, чем это было на самом деле. Наверное, чтобы уменьшить ревность Алана. Раз ей было

только девять, вряд ли он спросит: «Кого, кого ты любила?»

Наступила тишина, но она чувствовала, что ответ его не удовлетворил, что он о чем-то напряженно размышляет, и на смену ее безмятежной дреме пришло напряженное внимание. Парусина шезлонга облегла ее спину, с затылка никак не могла скатиться капля пота.

— Почему ты вышла за меня замуж?

— Я любила тебя.

— А сейчас?

— Я и сейчас тебя люблю.

— За что?

Это было прологом: первые реплики соответствовали трем звонкам в театре, они напоминали своеобразный, установленный по обоюдному согласию ритуал, который предшествовал сцене самоистязания Алана.

— Алан, — тоскливо произнесла она, — давай не будем.

— За что ты меня полюбила?

— Ты казался мне спокойным, надежным американцем. Я это уже сто раз говорила. Я считала тебя красивым.

— А теперь?

— Теперь я не считаю, что ты спокойный американец, но ты остаешься красивым.

— Безнадёжно закомплексованный американец, не так ли? Не будем забывать про мою мамулю, про мои доллары.

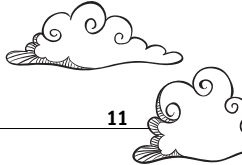
— Да, черт тебя побери, да! Я тебя придумала. Ты это хочешь услышать?

— Я хочу, чтобы ты меня любила.

— Я люблю тебя.

— Не любишь.

«Когда же наконец вернутся остальные? — думала она. — Возвращались бы поскорее. В такую жару вздумали рыбу ловить. Как только они прибудут, пойдём ужинать, Алан слегка переберет виски, лихо погонит машину, а ночью заснет мертвым сном. Он крепко прижмется ко мне, почти раздавит и, может быть, часок-дру-

гой в своем забытии будет мне мил. А на следующее утро он расскажет мне все свои ночные кошмары, ведь у него такое богатое воображение».

Жозе приподнялась и взглянула на белый причал. Никого. Она снова опустилась в шезлонг.

— Их еще нет, — язвительно произнес Алан. — Жаль. Тебе скучно, не так ли?

Она повернулась к нему лицом. Он пристально смотрел на нее. Он и вправду походил на молодого героя вестерна. Светлые глаза, обветренная кожа, прямой взгляд. Простодушие, пусть даже напускное. Алан. Да, было время, она его любила. Но и теперь, когда как следует всматривалась в него, продолжала питать к нему слабость. Однако все чаще и чаще отводила от него глаза.

— Ну что, продолжим?

— Тебя это забавляет?

— Что ты почувствовала, когда я сделал тебе предложение?

— Я была рада.

— И все?

— Мне показалось, что я спасена. Ведь я... Мне было тогда нелегко, ты же знаешь.

— Почему нелегко? Кто был в этом виноват?

— Европа.

— Кто именно в Европе?

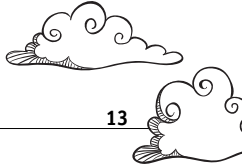
— Я уже рассказывала тебе.

— Повтори еще раз.

«Уйду, — вдруг подумала Жозе. — Я должна понять, что это неизбежно. Пусть делает что хочет. Пусть застрелится. Он уже не раз угрожал. И его горе-психиатр тоже говорил, что такое может случиться. Пусть свихнется, как и его чертов отец. Пусть их всех сведет в могилу этот идиотский алкоголизм. Да здравствует Франция и Бенжамен Констан!»¹

В то же время, как ни хотел этого Алан,

¹ Констан де Ребек Бенжамен Анри (1767–1830) — французский автор психологических романов. (Здесь и далее примеч. пер.)

она не могла представить его мертвым, мысли о его возможном самоубийстве вызвали у нее отвращение: «Ему для этого нужен будет какой-нибудь предлог, а я не хочу им быть».

— Это похоже на шантаж, — сказала она.

— Ну да, конечно, я знаю, о чем ты думаешь.

— Я не могу уважать тебя, пока ты меня так шантажируешь, — произнесла она.

— А что прикажешь делать?

— Да ничего.

Плевал он на то, уважает она его или нет. Впрочем, это мало ее задевало — она себя ценила не столь высоко. И это в двадцать семь лет! Всего три года назад она жила в Париже, одна или с кем хотела, дышала полной грудью. А теперь вот чахнет в этом искусственном, будто из папье-маше, мирке, возле молодого неуравновешенного мужа, который сам не знает, чего

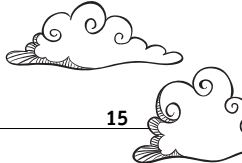
хочет. Она нервно рассмеялась. Он приподнялся, прищулив глаза. Ему не нравился такой смех, хотя иногда он был способен проявлять тонкое чувство юмора.

— Не надо так смеяться.

Но она не останавливалась, продолжала тихо и уже как-то умиротворенно посмеиваться. Она думала о своей парижской квартире, о ночных улицах, о безумствах юности. Алан встал.

— Пить не хочешь? Смотри, как бы тебя не хватил солнечный удар. Принести тебе апельсинового сока?

Он опустился возле нее на колени, положил голову на ее руку, посмотрел в глаза. То была другая его тактическая уловка: когда он видел, что ревность ее не трогает, он становился нежным. Она провела ладонью по его красивому лбу, обогнула пальцами овал твердых губ, продолговатые глаза и в который раз спросила себя, что же сводит на нет спокойную мужественность этого лица.

— Принеси мне лучше бокал бакарди, — сказала она.

Алан улыбнулся. Он любил выпить, и ему нравилось, когда она пила вместе с ним. Ее об этом предупреждали. Сама она была довольно равнодушна к алкоголю, однако порой ей хотелось набраться до бесчувствия.

— Значит, два бакарди, — сказал он.

Он поцеловал ей руку. На них умиленно посмотрела седовласая американка в цветастых шортах. Жозе не улыбнулась ей в ответ. Она смотрела на Алана, удалявшегося легкой поступью избалованного жизнью человека, и, как это случилось всякий раз, когда он куда-то уходил, к ней подступила легкая грусть. «Но ведь я его больше не люблю», — прошептала она и поспешила закрыть рукой лицо, будто солнце могло уличить ее в неискренности.

Наконец-то возвратившиеся друзья застали их лежащими на песке: Жозе, по-